

250497

АВТОРСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

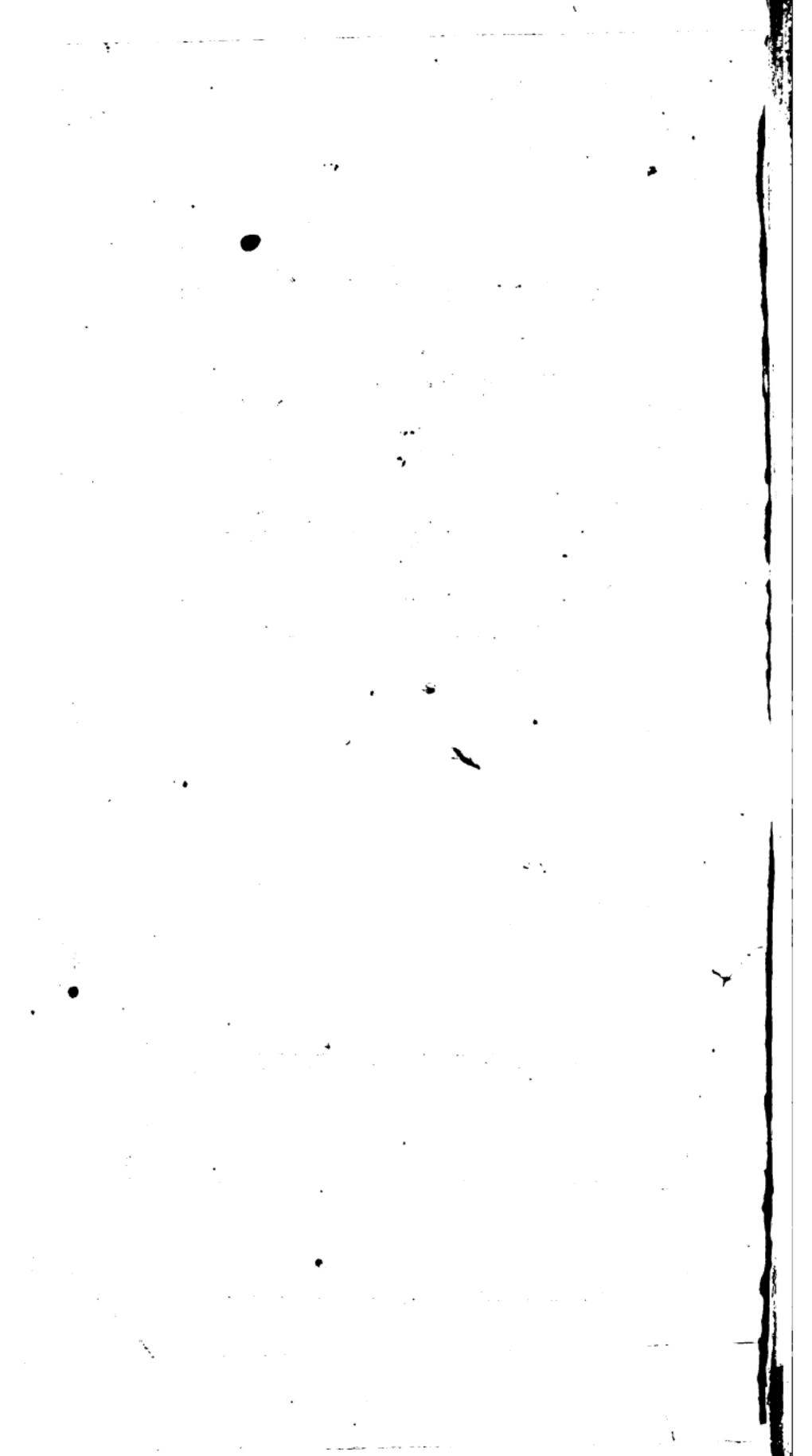
СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ
СЪ
МОИМЪ ДЯДЕЮ.

Книжечка
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

А В Т О Р С К И Й

В Е Ч Е Р Т.

АВТОРСКІЙ

ВЕЧЕРЪ.

K

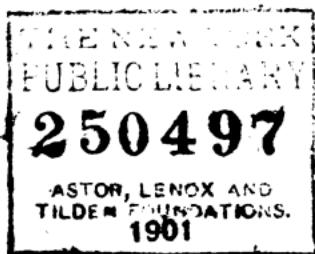
СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ СЪ МОИМЪ ДЯДЕЮ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВЪВШНИЙ ТОРГОВЛИ.

1835.

НЕ ЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаній представлены
были въ Цензурный Комитетъ три экземпля-
ра. С. Петербургъ, Мая 25 дня 1835 года.

Цензоръ *Петръ Корсаковъ.*

АВТОРСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ СЪ МОИМЪ ДЯДЕЮ.

..... Одни лишь низки слоги
Покояты всякому; а кто разно какъ боги,
Разумно говоря, на крыльяхъ парить,
Не можетъ тотъ понять и самъ что гово-
ритъ.

Кляжникъ.

I.

Всего лучшие начинать всякое дѣло съ
начала. Я начну съ начала.

Какая страшная разница между жите-
лемъ Петербурга и обитателемъ какого-
нибудь другаго русскаго города! Эту раз-
ницу тотъ только можетъ знать, кто самъ
на себѣ испыталъ ее; кто обращалъ на
себя вниманіе въ тѣ рѣдкія мгновенія, ко-
гда душа безъ предразсудка уловляетъ, и
безъ разсѣянія удерживаетъ въ памяти соб-

ственныя свои ощущенія, въ двухъ положеніяхъ, совершенно одинаковыхъ по наружности, но чрезвычайно различныхъ по самыимъ ощущеніямъ. Это случилось со мною. Я нерѣдко прогуливался въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Россіи. Особенно памятна для меня прогулка между длинными съ двухъ сторонъ рядами домовъ города Ямбурга, и чрезъ нѣсколько потомъ времени, по тротуару Невскаго проспекта. Какое чудное различіе въ ощущеніяхъ! Въ Ямбургѣ, бѣдность, разрушеніе; и мнѣ казалось, что и я бѣденъ, ничтоженъ. Я думалъ о томъ только, какъ и я разрушусь нѣкогда, какъ Ямбургская ситцовая фабрика. Но когда очутился я на Невскомъ проспектѣ, чувства мои совершенно перемѣнились. Невскій проспектъ, по красотѣ его, по великолѣпію его зданій, по очаровательности его магазиновъ, которыхъ не прерывно цѣпью тянутся по всему его протяженію, по изящности нарядовъ многихъ встрѣчающихся на немъ, по горделивому ихъ виду, по презрительности, съ которой они иногда на васъ посматриваютъ, есть нѣчто диковинное конечно въ цѣлой

Европѣ. Тутъ, думалъ я, всякъ чувствуетъ свое достоинство; свое преимущество передъ прочимъ человѣчествомъ.

Когда я въ первый разъ, въ одинъ ясный весенний день, появился на Невскомъ проспектѣ, то со мною случилось тоже, что съ первымъ человѣкомъ, по его оствореніи, по описанію Бюфона.

Вы припомните, что онъ пробудился изъ ничтожества съ живымъ ощущеніемъ своего бытія. Первые мгновенія жизни умной, бессмертной душою одаренной твари, призванной изъ небытія, состояли въ громогласномъ въ груди и понятіи его отзывѣ: Я, Я! Когда онъ простеръ взоръ на окружающіе его предметы, то ему показалось, что и зелень, и деревья, и животные, и самое свѣтило дневное было не иное что, какъ онъ. Долго остался бы онъ, можетъ быть, въ этомъ мнѣніи, еслибъ тогда же не ощутилъ въ себѣ возможности движения. Съ нимъ, онъ тотчасъ простеръ руку къ ближайшему предмету, коснулся его, перенесъ руку къ другому предмету, пошелъ, и — не иначе, какъ опытомъ удостовѣрился, что и кромъ его, виѣ его, суще-

ствуетъ иѣчто. Почти тоже случилось со мною на Невскомъ проспектѣ.

Мнѣ показалось, что все то, что только могъ обнять взоръ мой, было Я. Не знаю, такъ ли долго Адамъ, удивленный твореніемъ, оставался при первомъ своемъ понятіи, какъ я, но увѣренъ, что онъ, видя себя царемъ всего сущаго, не болѣе меня возгордился ощущеніемъ своего превосходства. Ясно еще вспоминаю, что когда и удостовѣрился уже я, что ни думы, ни магазины, ни гуляющіе на Невскомъ проспектѣ не были не только я, но не были и мои, были существа и предметы, совершенно отъ меня отличные, то все еще оставалось во мнѣ чувство какой-то гордости. Мнѣ казалось, что я сдѣлался чѣмъ-то важнѣе, нежели былъ прежде, что я сдѣлался вдругъ красивѣе, выше, и по крайней мѣрѣ въ десять разъ умнѣе и въ двадцать разъ ученѣе, нежели были прежде. Какъ и отъ чего это случилось, самъ не понимаю, но думаю, и не краснѣя, признаюсь, что этому не мало способствовалъ и сергукъ мой, и фракъ мой, и моя тросточка, и мой лорнетъ. Послѣднимъ воору-

жился я, для одной формы, по убѣжденію
своихъ пріятелей, хотя зрѣніе у меня было
самое острое, и напротивъ въ лорнетъ я
почти ничего не видаль. Такъ, гордости
моей способствовали всѣ части моей одѣ-
ды. Если онъ сами по себѣ не заслужива-
ютъ подробнаго описанія: то достоинъ
всякаго вниманія тотъ путь, которымъ до-
стигъ я новаго своего облаченія. Въ этомъ
отношениі я долженъ объяснить вамъ слѣ-
дующее:

Съ первымъ намѣреніемъ моимъ Ѳхать
въ блестящую столицу, я послалъ туда
мѣрку для платья себѣ, съ порученіемъ,
чтобъ по ней сшито было все нужное, *съ*
послѣднемъ вкусомъ. Эти послѣднія слова въ
письмѣ моемъ были подлиневаны. Денегъ,
писалъ я, не жалѣйте: я готовъ пожертво-
вать послѣднимъ своимъ состояніемъ, толь-
ко бы явиться средь блестящей Петер-
бургской публики въ такомъ видѣ, въ ка-
комъ прилично молодому, благородному че-
ловѣку.

Вотъ и тутъ вы замѣтить можете, ка-
кое понятіе имѣетъ провинціалъ о Петер-
бургѣ. У меня было всего знакомыхъ тамъ

два-три молодыхъ человѣка, безъ семействъ, безъ связей. Между какою же публикою полагалъ я тамъ явиться? Послѣ уже, гораздо послѣ, узналъ я, что это значило явиться на Невскомъ проспектѣ, на кото-ромъ нерѣдко встрѣчалъ я потомъ многихъ очень бѣдно и вовсе не по модѣ одѣтыхъ.

Исполненіе порученія моего, для большей точности, ввѣreno было въ руки какого-то француза, и какъ ошибочно полагалъ я, въ руки портнаго.

По пріѣздѣ въ столицу, первый визитъ мой сдѣланъ былъ ему. Я тайкомъ про-брался къ нему въ своей поизношеной ши-ней, спросилъ платья своего и комнатки, въ которой бы его примѣрить. Немедленно сдѣланы были всѣ нужныя къ тому распо-ряженія въ наилучшемъ тонѣ. Сердце мое трепетало, когда я наряжался. Мнѣ каза-лось, что съ каждой піесою моей одежды льется въ меня новая жизнь. Но когда одѣлся, то почувствовалъ, что кой-гдѣ ме-ня то пожимаетъ, то потягиваетъ, особенно жало мнѣ воротникомъ затылокъ. Я хотѣлъ было сказать обѣ этомъ, и на тре-пещущемъ языкѣ моемъ было уже воскли-

цаніє мосьє; но не портной, какъ узналъ я тогда же, а Профессоръ мужскаго одѣянія примѣтъ то, предупредилъ потокомъ объясненій всякое замѣчаніе.

Оконча родъ диссертациіи о покроѣ одежды, о глубокомъ своеі знаніи строенія человѣческаго тѣла, и причинахъ, по которымъ возвышена имъ одна часть платья, собрана въ складки другая, подбита ватой третья, онъ поворотилъ меня легкимъ движениемъ правой своей руки къ огромному, великолѣпному трюмо. Я вскрикинулъ было, совершенно не узнавъ себя. Минъ показалось, что передъ мною стоитъ кто-то привезенной изъ-за моря. Думать должно, что Профессоръ догадался о томъ. Онъ съ вѣживостію спросилъ меня, не изъ провинціи ли я прѣхалъ? Услыша отъ меня подтвержденіе своего мнѣнія, „Ба!“ сказалъ онъ: „теперь меня ничто не удивляетъ, мнѣ все ясно.“ За этимъ, съ ученостію и краснорѣчіемъ доказалъ онъ мнѣ, что все въ нарядѣ моемъ сдѣлано такъ, что онъ не достоинъ бы быть носить своего званія, еслибы склонился на какія нибудь просьбы мои сдѣлать хотя одинъ ударъ ножницъ

(un coup des ciseaux) тамъ, гдѣ при кройкѣ рука его проложила уже единожды навсегда черты мѣломъ. Я ворочался передъ трюмо, и обозрѣвая то ту, то другую сторону самого себя, скоро пріучилъ глазъ свой къ незнакомцу своему, самому себѣ, и съ благодарностью пожалъ руку Г. Профессора.

— Сколько я вамъ заплатить долженъ? спросилъ я его.

Онъ отвѣчалъ мнѣ съ равнодушiemъ и небрежно, какъ человѣкъ, который никогда не занимается интересомъ и денежными счетами, что онъ этого сказать не можетъ. Я подумалъ было, что онъ по новости приѣзда моего въ столицу, и чтобы свести со мною знакомство, жертвуетъ мнѣ на первый случай и трудомъ своимъ и матеріалами, и потому замѣтилъ, что это отяготило бы мою совѣсть. Но къ счастію онъ едва ли то слышалъ это; иначе, какъ вижу теперь, онъ могъ бы подумать, что я съ ума сошелъ. Пока произносилъ я коротенькую свою фразу, онъ былъ уже далеко отъ меня, и стоялъ подъ бюро своего отличной работы. Припод-

нявъ доску, онъ вынулъ изъ него согнутый вчетверо листокъ почтовой бумажки, который и подалъ мнѣ.

Одна мысль имѣеть тѣсную связь съ другою, часто нѣсколько мыслей сряду бывають одного рода, одного цвѣта, какъ вода, текущая изъ одного и того же источника. Подумавъ уже прежде, что Г. Профессоръ мужскаго одѣянія хочетъ подарить мнѣ прекраснаго сукна сертукъ (*), фракъ и съ великолѣпными цвѣтами живетъ съ принадлежностями, я вообразилъ, что онъ сверхъ того дарить мнѣ сторублевую ассигнацію.

(*) По роду предлагаемой здѣсь піесы, я долженъ объяснить, что французскій *сюртукъ*, я называю *сертукомъ*, сколько потому, что слогъ *сю*, никогда въ русскихъ словахъ не встречается. Буква *с* не терпитъ послѣ себя буквы *ю*. Сочетаніе этихъ буквъ крайне непріятно въ произношеніи. Притомъ мы не называемъ ни жилеша, *жилеемъ*, ни маюра, *мажоромъ*, ни губернатора *гувернеромъ*, и проч. и проч. Да и въ самомъ *сюртуке* прибавляемъ почти цѣлый *укъ*, почему жъ не оставить по старинному *E* вмѣсто *Ю*, если послѣднее портить губы.